

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

ПРОСТУПАЮТ ГРАНИТЫ...

СТИХИ "ОКАЯННЫХ ЛЕТ" ОЛЬГИ ФОКИНОЙ

На нашей улице не праздник.
...Но я на вашу — не пойду.

Ольга Фокина

Министр культуры в Российском правительстве Михаил Ефимович Швыдкой, не зная, видимо, чем заполнить служебное время, "устроился" по совместительству телеведущим еженедельной, им же придуманной программы "Культурная революция".

Одну из самых первых передач в рамках этой программы он "любезно" адресовал русскому народу, назвав ее "Русский фашизм страшнее немецкого". Отклики русских людей, особенно участников войны, оскорбленных наглым заявлением министра, были опубликованы в "Советской России" и других патриотических изданиях, и я не стану повторяться. Тем более что меня задела не меньше, чем эта, следующая передача, которую венчал траурный заголовок: "Русская* литература умерла".

Рыдать бы министру культуры по поводу столь печального известия, рвать волосы на голове, а он ликует, как полководец, одержавший великую победу; ликует, забыв, что литература — стержень культуры; сломался стержень — рухнула культура! И если Швыдкой при этом остался министром, то не культуры уже, а бескультурия.

Но это к слову...

Нам важнее понять: на каком основании министр отважился на столь громкое заявление: "Русская литература умерла"? Одно из двух: или он не знает современную русскую литературу, или знает, но не хочет, чтобы ее знал народ. Ближе к истине, думаю, второе предположение: НЕ ХОЧЕТ!

Не хочет потому, что понимает: слишком силен в ней разоблачительный, протестный пафос, звучащий порой как набат. Ему, призванному глушить такую литературу, мало уже всемогущей цензуры рублем, в результате которой книги и журналы для основной массы народа по цене стали абсолютно недоступными. И он решил впрямь в это дело в качестве пристяжного к кореннику (к экономической цензуре) еще и внушение словом: русская литература умерла, без разъяснения, конечно, почему умерла, да еще столь скоропостижно? И почему именно теперь скончалась она, родная, русская, в конце десятилетнего пребывания у власти "демократов"?

Народ наш по привычке, приобретенной в советское время, верит слову, произнесенному с "высокой колокольни", а если оно произнесено не диктором-тараторой, а самим "начальством", верит безоговорочно. И значит, цель, которую имел в виду Швыдкой, готовя эту передачу, достигнута: можно с уверенностью предсказать дальнейшее снижение тиражей книг и особенно литературно-художественных журналов. "Литература умерла, — рассудит читатель, — значит, умерли и журналы. И потому разумнее купить бутылку,

---

* Нельзя не заметить педалирования на словах "русский", "русская" — и только в негативном смысле.

чем “покойника”, пусть и в красивой обложке”. И не так-то просто доказать ему, что он обманут. Но я все-таки попытаюсь сделать это.

Сразу скажу: министр культуры, весело уложив русскую литературу в гроб, выдал желаемое за сущее.

За два-три месяца до “похорон” литературы, показанных Швыдким на всю страну, в Вологде вышел в свет* двухтомник избранных стихотворений и поэм русского поэта-современника, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Ольги Александровны Фокиной. Два тома. Почти тысяча страниц! Есть что почитать! А главное – есть о чем подумать. О. Фокина – поэт остросоциальный, поэт-гражданин, поэт-патриот.

Откладывая все дела, погружаюсь в первый том и, с особенным пристрастием, во второй, в котором собраны, по свидетельству самой Ольги Александровны, стихи “окаянных лет” (1985–2002 гг.).

Многолюдным был русский Север перед Великой войной. И что особенно отраднo отметить – деревенские улочки, окрестные поля и леса с утра и до позднего вечера звенели детскими голосами. Из тысяч и тысяч крестьянских детей, родившихся за три-четыре года до войны, providению угодно было избрать одного на высокую и непривычную для деревни роль Поэта, по-былинному – сказителя, певца народных свершений и утрат в труднейшие из самых трудных годы.

Этим избранником стала шустрая девчушка из глухой архангельской деревушки Корнилово. Бог наделил ее зорким, приметливым глазом, тонким чувствованием, глубоким состраданием к женщинам и старикам, взвалившим на себя и ту ношу крестьянского труда, которую бросили, уйдя на войну, мужики.

Несладко было им под той ношей.

...Через какие-то годы, когда Оля научилась уже думать стихами, припомнилась ей из той поры такая картина: мать возит на Карьке торф (архангельскую землю, прежде чем вспахать да засеять, требовалось “подкормить” хотя бы торфом). Идет она, понукая лошадку, обочь тяжело нагруженной двуколки, а дома...

Дома плачет горько, долго
На сыром тряпье дитя.

Уж не первую неделку
В доме хлеба ни куска.
И соломенная стелька
Лезет вон из-под носка...

Идет мать, пошевеливает вожжами, а в голове неотвязно одно и то же: вчера в избе “был налоговый агент”. “Карандашик сунул в руку”, – указал:

Распишись под этой “птичкой”
И вон там еще... и тут:
Завтра сдашь в сельпо яички,
А не то пойдешь под суд.

Вынь да выложь честь по чести
Мясо, шкуру от телка,
Три кило овечьей шерсти,
Триста литров молока...

Демократ-реформатор – любой из нынешних, – прочитав такое, воскликнет: “Вот он, ваш колхоз, ваша советская власть, коммунаки! Вот она, “сесьмая шкура”, сдираемая с колхозника!”. И затвердит на память эти стихи, и при случае продекламирует в оправдание “реформ”, благословивших разгром колхозов, разрушивших все, что было выпестовано в деревне с расчетом на коллективный труд.

Сама же О. Фокина эти и подобные этим стихи создавала не как обличение колхозного строя, а как мужественное свидетельство о великом трудовом и нравственном подвиге деревенского люда в час, когда решалось: быть России или не быть? С полным осознанием своего высокого призвания она

---

* Изданный, разумеется, на деньги спонсора.

каждой строкой таких стихов как бы говорила миру: “А ну, кто еще способен на такое?”.

Обозревая положение дел в ненавистных “Советах”, забугорные радиоголоса сладострастно мусолили события и факты, свидетельствовавшие об ужасающей бедности победившего народа, низкой оплате труда колхозников, нехватке хлеба при изобилии — хоть залейся! — алкоголя.

Оля все это видела своими глазами. Она, как все ребята, училась “при свете дымной лучины писать первые буквы”, как все, помогала колхозу; не было такой работы, которую она не знала бы и не умела сделать. Это ее подростками подружками была “придумана” тогда частушка, помнящаяся и теперь:

Матушка родимая,
Работа лошадиная:
Не хватает хомута
Да ременного кнута.

Не было в те годы такой беды, которую бы Оля не пережила, не перестрадала вместе с матерью, со всеми женщинами, в большинстве своем солдатскими вдовами. У них была своя песня:

Кабы не было войны —
Не была бы вдовушка.
Не узнала б столько горяшка
Моя головушка.

Тяжелый, в основном ручной, труд вдовушек при постоянной нужде не только в хлебе, но и в одежде, в тепле удивлял даже ее, девчушку, вызывал желание приласкаться к ним, порадовать сердечной отзывчивостью, послушанием. Душа ее была всклень полна этими чувствами, и они, как вода из переполненного ведра, не могли наконец не выплеснуться, не стать стихами.

И они выплеснулись. И очень рано, еще в школьные годы. И привели ее в Москву, в Литературный институт, а там умножились во много раз числом, сложились в первую, затем вторую, третью книжицы... Что было главным в этих книжицах? Мастерски выписанный, художественно-правдивый, а если одним словом — величественный, былинный образ деревенского народа, мужественно, с достоинством преодолевающего лишения долгих военных лет и разруху еще более долгих послевоенных. С достоинством и, добавлю, с верой, что придет-таки облегчение и ему: вернутся на поля лошади и трактора, отстроятся деревни и села, подбреет власть и не будет уже только командовать, как в военное время, будет советоваться с ним, с умом решать возникающие проблемы. Говоря образно, будет терпеливо растить деревце коллективизма, совсем еще молодое, но уже глубоко пустившее корни в их души.

Всего десять лет было этому деревцу, как началась война, но огненный ветер не сломил его, не повалил, оно выстояло, не засохло даже без мужиков, ушедших на фронт. Сгрудившись вокруг этого деревца, сдюжили деревенские бабы, а под их крылом спаслись от голодной смерти и дети, и старики; хватило бабам характера и сил не бросить землю в беде, не дать ей одичать.

А ведь были еще и довоенные годы. По свидетельству поэта, уже тогда крестьяне-колхозники “...всем сердцем поверили в общую радость труда”. Кто-то усомнится: “Так уж и поверили...” Да, поверили! Потому что “радость общего труда” не была для них внове. “Помочи”, “толоки” то и дело случались в деревнях: то погорельцу избу отстраивали сообща, то дружно наваливались на несжатую чью-то полоску... “Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось”, — на таких, наверное, праздниках труда и добрососедства и родилась одна из мудрых пословиц русского народа.

После Литинститута не Архангельск приветил и приласкал талантливую землячку, а Вологда — так уж получилось, не буду вдаваться в подробности.

Еще не обжив новую, подаренную обкомом партии квартиру, Ольга Фокина выпорхнула из нее (началось лето!) и умчалась не на юг, не к Черному морю, а на север, в родную деревушку — там продолжали жить ее мама и старшие братья — их было четверо...

Великий Николай Некрасов при очередном свидании с деревней, настраиваясь на стихи, поделился с нами: “Жаден мой слух, и мой глаз любопытен”, и мы хорошо знаем, как благотворно отразилось это на его стихах, и особенно на поэме “Кому на Руси жить хорошо?”. Ольга Фокина о своем душевном состоянии по приезде в деревню с полным основанием могла бы поведать теми же словами. Остроте ее глаза и слуха можно только удивиться. Она с радостью замечает: родной колхоз идет на поправку — это были уже 60-е годы. Все слышнее гудят трактора, все веселее стучат топоры. “Ах, как строится нынче деревня!” — так начинается она одно из стихотворений тех лет. И добавляет: “Метит в плотники каждый мужик”. А результат — вот он: “Срубы, крыши желты, пахнет серой. Словно солнце на землю сошло”.

Верилось ей (а веру эту она черпала у народа), что деревня залечит наконец раны войны и начнет жить, “Как жилось когда-то давно: /Откровенно, широко и ясно, /С дружным кос перезвоном в страду, /А на отдыхе — с песней и пляской/ У полей и лугов на виду”.

Предвижу, кто-то скривит губы, прочитав эти строки: — Ха! “С песней и пляской!” А “пустопорожний трудовень”? А репрессии 37-го года?!

Что ответить на это?

Да, не во всех колхозах хватало собранного урожая, чтобы и “с государством рассчитаться”, и на трудовни колхозникам выдать, не обидев. Скупое еще рожала истощенная за четыре военных года земля.

Засыпать хлебом сусеки такого государства, как Советский Союз, было ой как нелегко. Особенно если учесть, что ёдоков все прибавлялось и прибавлялось. Входили, как на дрожжах, и рабочий класс, и интеллигенция... А надо было кормить еще и армию — свою, чтобы потом не кормить чужую (такая опасность тогда была не менее реальной, чем сейчас), и бывшие бесхлебные окраины царской России... Ясно, что хлеба не хватало. А прикупить — на что? Главной заботой партии и правительства была индустриализация страны.

Ну а что касается репрессий 37-го года, то пора бы уже признать, что не все в них было так уж однозначно, как говорилось и писалось до сих пор. Из рассекреченных документов и мемуаров современников тех событий видно, что подоплека репрессий намного замысловатей и коварней*. Ясно пока одно: далеко не во всех колхозах были они, репрессии. А там, где они все-таки были, историкам предстоит еще разобрататься, в чьих интересах и чьими руками они осуществлялись, ни на минуту не забывая при этом, что для одних репрессируемый (коренной) народ был в полном смысле родным, своим, а для других — чужим и даже ненавистным; был народом — “шовинистом”, “угнетателем”, “держимордой”, “погромщиком”. Чувство мести этому народу, владевшее определенной частью высоких чинов из тогдашних карательных органов, было вполне реальным и сбрасывать его со счетов при разговоре о репрессиях 37-го года нельзя. Называть те репрессии сталинскими — и только! — это для простачков, даже резче скажу — для профанов, которых, к сожалению, не убавляется...

В 1998 году Архангельск к 60-летию Ольги Александровны Фокиной издал солидный том ее стихов (290 страниц!). Подавляющее большинство из них, как отметила сама Ольга Александровна в небольшом предисловии к изданию, были “написаны за последние десять “окаянных лет”. Здорово, видимо, отличались эти годы от предшествующих, если для определения их гражданственной и социальной сути ей, вслед за Буниным, пришлось прибегнуть к столь сильному эпитету: “окаянные”.

В чем было отличие тех лет от нынешних, “окаянных”, она достаточно ясно ответила в том же предисловии: “Мое поколение входило в жизнь окрыленным верой в торжество любви, добра и справедливости”.

Слава Богу, отмеченных этой верой лет у поэта было больше, чем “окаянных”. Этим, думаю, и можно объяснить, что стихи, созданные в те, доперестроечные годы, резко контрастируют с опубликованными в названном сборнике, не говоря уж о двухтомнике, появившемся теперь, пятью годами позже.

Они — светлые, полные душевной теплоты и веры, те стихи. Поэта радует любая, пусть даже маленькая примета того, как выразилась сама Ольга Фокина,

* См. книгу Ю. Емельянова “Сталин”. М., 2002.

“справедливого” жизнеустройства. Характерным в этом смысле является стихотворение о главном в деревне доме, называемом новым, но уже ставшим обиходным словом “сельсовет”. Дом этот, как символ советской власти, люб крестьянам и почитаем ими. С какой бы докукой ни пришли они к нему, встретят и внимание, и понимание:

“На стул усадив – не на лавку, / Там будут по отчеству звать, / И выдадут
нужную справку, / И стукнут, где надо, печать... / Довольный, почти что счаст-
ливый, / Ходатай вернется домой”...

Вернется, полон достоинства – впервые, может быть: “А как иначе!
Власть-то своя, народная!”.

Гордится главным в округе домом Ольга Фокина. Она называет его “Домом
Справедливости” и торжественно напоминает ему и себе: “Ведь наша Большая
Дорога / Начало берет от тебя!”.

В стихотворении, помеченном 1986 годом (началась горбачевская “пере-
стройка”), образ дороги (“Большой Дороги!”) она наполняет еще более глубо-
ким смыслом: “Была дорога плотная / Года торена-топтана”, – так, по-некра-
совски, по-народному начинает она свою “бывальщину” о дороге. Топтана
не тувельками, конечно, а тяжелыми крестьянскими сапожищами. Но вздума-
лось кому-то дорогу перепахать... Перепахали. И зернами засеяли... А всходов
нет и нет: зёрна не принялись. “В пласт, словно в рот закусенный, / Ни
корешка не пущено”. Дорога “не полем стала – выгоном”. Зрелище – более
чем удручающее. И вполне понятен вздох разочарования тех, кто дорогу
“торил-утапывал”: “А говорили: выгодно!”.

Еще не прямо здесь о Большой Дороге, иносказательно. Но уже с горечью,
с болью в сердце, с хорошо угадываемым упреком “пахарям”, а точнее – с
ясно выраженным протестом всему, что ими, “пахарями”, делалось в стране
под видом “перестройки”.

Но вот наступили трагические 90-е годы. Перепаханной оказалась не
только Большая Дорога, но и великая держава. Советская власть, как выра-
жение социалистической идеи, была разгромлена... Тяжелым камнем легло
это на душу народа... И можно его понять: за короткое время – чуть больше,
чем за полвека, – две неслыханно крутые социальные бури, потрясшие не
только саму Россию, но и весь остальной мир. Причем вторая не продолжила
дело первой, а убила его, сказав при этом народу: зря ты мужествовал,
народ, жертвовал миллионами жизней – не то получилось... И потому будешь
грести обратно, к тому берегу, от которого недавно отчалил – к капитализму.
Не сразу поняла, а точнее – не сразу поверила и О. Фокина в то, что произо-
шло в стране. Трудно укладывавшаяся в голову реальность случившегося,
неотступные раздумья об этом привели к сравнению:

Все – на рельсы: подвиг ратный,
Совесть, честь, казна, страна.
Поезд катится обратно,
Стрелка переведена.
...Я бегу по коридору,
Рвется крик, но я молчу.
Поезд пятающийся скорый
Я застопорить хочу.
...Всею силою плеча
Жму-давлю на стоп-рычаг...
Просыпайтесь, поднимайтесь,
Выпрямляйтесь в полный рост,
На земную твердь спускайтесь,
Убеждайтесь: всё – всерьез!

Это похоже на удар в сполошный колокол. В застенчивой когда-то деревен-
ской девчужке, теперь зрелом поэте, вдруг прорезался, заявил о себе такой
вот беспокойный государственный характер, что не подивиться ему просто
нельзя. Что это – случайность? Нет, это вполне осознанный выбор, выстра-
данный ответ на вызов времени. В движении к нему, думаю, и родилась вот
эта поэтическая формула, которую сегодня не могут не заметить другие поэты:

Имеющему голос – спеть,
Сказать – имеющему слово, –

Не подвиг, да...
Но надо сметь!
А смелость – подвига основа.

Надо сметь! Поэт О. Фокина позволила себе такую роскошь: произнести во всеуслышание слова о том, что лишило народ надежды на достойную жизнь, унизило, оскорбило его. Расколотый снова на богатых и бедных, народ оказался под властью оседлавшего российскую “птицу-тройку” доллара. От имени бедных она бросает в лицо владельцам туго набитых кошельков:

И до глубинной деревеньки
Дошел раскол и передел:
У вас всю ночь считают деньги,
Мы – без гроша и не у дел.
...Такое звезд расположенье,
Таких “указов” звездопад:
Вы – в господа, мы – в услуженье
Да на работу без зарплат.
У вас всю ночь огонь не гаснет,
У нас – ни зги во всем ряду;
На нашей улице – не праздник.
...Но я на вашу – не пойду.

Нельзя не почувствовать, сколько достоинства, непреклонности в этом “не пойду!”. И одновременно – морального превосходства над теми, кто “всю ночь считает деньги” и вдохновенней, желанней “работы” не ведает.

И еще один важный штрих к портрету поэта.

Попалось на глаза Ольге Александровне стихотворение Наума Коржавина, к тому времени уже эмигрировавшего то ли в Израиль, то ли в США. Из профессионального любопытства, не более, пробежала его глазами и удивилась: жалеет Наум русскую женщину: “Ей жить бы хотелось иначе, /Носить драгоценный наряд...” Как будто только “драгоценного наряда” и не хватает русской женщине. Нацепила бы, приколола – и была бы счастлива...

Не удивительно, что жалостный всхлип Наума О. Фокина приняла на свой счет:

Не выхвалялась,
Не выражалась...
Тем, оказалось,
Вызвала жалость
Не испытавших
Счастья и боли,
Может быть, даже
Тысячной доли,
Что мне досталась...

Унизила поэта О. Фокину Наумова жалость – литературно-салонная, лицемерная жалость постороннего... а что касается нарядов, то это вообще не по адресу. Она знает другое счастье: не наряжаться, а сражаться (даже в рыцарских доспехах на миг себя представила, вспомнив, может быть, легендарную французенку), сражаться за лучшую народную долю, за процветание и величие Родины:

Гоже, не гоже –
Жалость отрину,
Щит не заброшу,
Латы не скину.

Слаблю сраженье,
Слаблю страданье!
С Правдой сближенье,
С Жизнью братанье!

Выбор более чем мужественный – жертвенный! И нашелся, конечно же, “рыцарь”, который пожалел ее и как женщину, и как поэта. Целуя ручку, сказал: “Я прошу вас, не боритесь! Не в бореньях ваша власть!”. Ответ поэта “рыцарю” еще более неуступчив и резок, и вместе с тем полон достоинства и гордости за свой выбор:

Вы, хранитель-оградитель, –
Не в обиду только будь –
Как кому, а мне вредитель:
Без борьбы? С дороги? В куть?

Ваши жесты, ваши шутки,
Из былых времен слова –
Не к минуте, парень... Дудки!
Слабой я уже была.

Вполне ясно, что сказано это не только за себя. Но и за всех сверстниц. Она хорошо знает их настроение в нынешнее, не менее грозное время, чем война. Именно этим знанием дышит стихотворение “В парке”... В целях экономии места прибегну к пересказу первой его половины... Сброшены “перестроечные” маски. Самые черные дни, завершившиеся расстрелом Верховного Совета, позади. Женщины, “былые комсомолки”, весенним днем прогуливаются в парке, за городом. Гуляют и – такое уж нынче время – не анекдоты травят, не сплетнями пробаваются – “толкуют про политику... в хвост и в гриву “верхних” костерят”.

Поэт полностью на их стороне:

“Всю-то жизнь в трудах, а к смерти – голыми
Оказались: саван не купить...”
Их глазами, слез горячих полными,
По былому – храмы бы святить.

Потрясающая метафора! Думаю, рождена она не холодным рассудком, а горячим сердцем. Как никому другому (разве еще Николаю Благову), судьба представила О. Фокиной возможность постигнуть душу деревенских современниц, разделить с ними и пот, и слезы, и бабье дружество, и совсем не бабье мужество, и терпение, легендой ставшее.

Не знаю, была ли с этими женщинами в тот день сама О. Фокина. Скорее всего, была: язык, которым они говорят, нельзя сконструировать, сидя за письменным столом, – им надо владеть.

Мы прежде были люди,
А нынче – кто мы есть?
...Зато, не зная брода,
Зовет нас в воду власть,
Зато кругом свобода
Обманывать и красть.

Языку героев О. Фокиной (да и ее самой) чужды намеки, экивоки, пресловутая дипломатичность. Его стихия – прямота, эмоциональность, порой даже резкость, с какой говорят на деревенских собраниях, где каждое слово “не в бровь, а в глаз”. О. Фокина эти собрания видела не в кино, она участвовала в них еще ребенком: дети – “бесплатное приложение” к любому деревенскому собранию. Разве не веет духом тех собраний и от этих вот строк:

Все родное – “оплошало”,
“Обнищало”, “отощало”,
То ли дело за границей:
Облизнулись, кто бывал!
А народец неезжалый
Надо вымести, пожалуй,
Иль помочь скорее спиться,
Чтоб езжалым не мешал.

Без преувеличения: язык коренной, глубинной России – главное богатство и главное преимущество поэта Ольги Фокиной перед сонмом современных поэтесс... Еще более утверждаешься в этой мысли, когда читаешь стихотворение “Диалог”*, по теме, да и сюжету, очень близкое стихотворению “В парке”... Позволю себе пространную цитату из него в надежде, что читатель не сочтет ее здесь лишней:

---

* Или поэму “Малина твоя”, о которой мне уже довелось подробно высказаться в недавно вышедшей книге “На русском направлении”.

Диалог

— Вот ведь, дев-то... развращают!
— Как?
— Да сексом — мужики.
И растленных возвращают
К мамам, на материки.
Дев-то, вот ведь... Матерями
Им самим уже не быть,
Честь и совесть потеряли:
Ни родить, ни полюбить!
А родить — так с водкой рядом,
Рядом с грязью — что взойдет?
От рожденья дружен с ядом,
Что уж будет за народ?
— Что ж себя не озаботят
Этой думой мужики?
— Озаботь... Они ЗАПЛОТЯТ —
И в расчете, лешаки!
Сядут в верхние палаты,
Будут думать-ПОЛАГАТЬ,
Сколь накласть себе зарплаты,
Чтоб послаще погулять...

Кто-то скажет: не о политике тут речь. Позволю не согласиться. Не просто о политике — о большой политике, где-то и кем-то хорошо продуманной. О политике, направленной на разложение молодого поколения, которому определено судьбой или спасти Россию, или исчезнуть вместе с ней.

Иногда в разговор со своим героем О. Фокина включается сама, если видит, что в данной ситуации возразить неправомерно, вразумить заблуждающегося — некому. Особенно если разговор не о “правильном” пиве, к примеру, а опять же о политике, исключаящей, как это ни парадоксально звучит, возможность простого народа, особенно сельского, влиять на политику “царящих-правлящих” (выражение поэта), требовать от них служения не кучке воров, а всему народу. Любопытно, что слишком откровенное русское слово “воров” в печати и на телевидении быстро было заменено на более благозвучное, позаимствованное у “партнеров” из-за бугра, словечко “приватизаторов”. Когда же “народ-языкотворец” (В. Маяковский) обратил его в “прихватизаторов”, то заменили и его — на “олигархов”: дескать, пока чернь разгадает, что сие означает, придумаем что-нибудь и еще...

Герой стихотворения, о котором речь пойдет ниже, очень быстро понял, что такое свалившаяся на его голову “демократия” (в Государственной думе ни одного депутата от земли — только “профессионалы” с асфальта), понял и пришел к выводу, что противостоять ей все равно что мочиться против ветра, и полностью отключился от общественной жизни, стал классическим обывателем.

— А зачем, — говорит брат, —
Груз забот на себя брать,
Если только Москва — мозг,
Остальная страна — хвост?
Не пристало: в хвосте — мысль!
Завелась — хвостану: — Брысь!

Поэт вразумляет брата:

— Рубишь — силой слепых рук,
На котором сидишь, — сук!
А своя голова где?

Брат, бравируя своим выбором, отвечает:

— А своя для других дел:
На своей шевельну мех,
Плескану первача — эх!
И без дум, без забот — спать...

Нас таких по стране – рать!
И не вешаем мы нос:
Нам велели – не с нас спрос...
...Есть копейка – скорей трать!
Жизнь проходит – чего ждать?

Услышав подобное откровение – не колхозника уже, фермера – “реформаторы”, власть имущие, подпрыгнут, наверное, от радости: именно таким они его проектировали, начиная “реформы”, – не коллективистом, а индивидуалистом, “единоличником”, безразличным ко всему, что за огорожей его двора, вдобавок – всегда “под балдой”...

А в сторону тех, кто не укладывается в их проект, продолжает держаться за колхоз – косые взгляды и даже угрозы, брань:

Красномясная черная кость,
Научились – совместно! Артельно!
Разжились, развели благодать –
Не задень! Но на то мы и волки,
Чтоб артельным артерии рвать
И кромсать травоядны холки.

О. Фокина не пренебрегла болтовней брата, помня: “Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме”. Выслушала его – поняла: брат обижен на Москву. Для нее он “хвост”, а что думает “хвост” – безразлично даже собаке.

Но дело осложнялось еще и тем, что и для своей деревни брат теперь тоже “хвост”: колхоз-то разгромлен – опять же по подсказке “мозга”... А ведь до того, как это случилось, брат мог с любым “вопросом” прийти в правление, посидеть на общем собрании, поорать вместе со всеми на “руководство”, отвести душу в перепалке с бригадиром... А теперь что? Теперь у брата одна забава: “плеснуть на каменку” (так говорят в Вологде) и “без дум, без забот – спать”. А сон у русских мужиков и без того крепок. И вот, когда они открыли глаза – буквально остолбенели от увиденного: державы, в которой жили как за каменной стеной, нет. Она раздроблена и разграблена. Стали тыкать пальцем в тех, кто изловчился, как говорится, грабануть в обе руки, – в “прихватизаторов” типа Березовского... А тот им: не надо было спать, когда все хватало.

Бабы, тряся пустыми кошельками, с тем же упреком – на мужей. Бурные семейные сцены закипели во всех улочках и переулках... Одну из них, списанную, можно подумать, с натуры, считаю, надо представить читателям:

Жена:

Прозрела на миг
И – в слезы! И в крик!

Муж в лоб себя – хлоп
(Ладонью пока):

– Баран! Остолоп!
Все было в руках!
Мне б, дурню, не пить –
Границы крепить!
Подарков не ждать –
На Карьке пахать...

Жена (при ухвате):

– А ты – демократил!
На что, мол, нам воды
Советской свободы –
Добыли свободку
На девок! На водку!
Нате – пейте,
Сплошь – глупейте,
Чтобы бушин
Рот – по уши!..

В этой избе, как видим, прозрели оба – и муж и жена, хотя и с запозданием: “Все было в руках”... Было – и сплыло. Понимая это, вместе с народом

страдает и поэт: “Угон авиалайнера – пустяк. Угон страны на современной сцене”.

Вспомнилось близкое по настроению рубцовское заклинание: “Россия, Русь! Храни себя, храни!” Но как? У Рубцова ответа нет. А без него заклинание повисает в воздухе, не побуждает к действию, а может, и к сражению, если стало явным намерение врага Россию погубить.

О. Фокина не была бы О. Фокиной, если бы не дополнила заклинание-молитву Рубцова энергичным призывом:

Россия, Русь! Храни себя сама,
И если впрямь – безвыходно и туго,
Назло врагам сплети себе кольчугу
И бейся за хоромы-терема!

Бейся, убедившись, что “твои сыны хранить тебя не могут”, бейся, не теряя надежду, что они...

Еще с повинною придут
За все перед тобою прегрешенья
И – жизнь не в жизнь без твоего прощенья! –
Стыдясь и каясь, в ноги упадут.

Придут, конечно, не все, а уж в ноги упадут – тем более... Такие, как Кох, Абрамович, и не подумают даже – поэт не обольщается на сей счет. Единственное, что они готовы сделать для России – это положить цветы к ее изголовью...

Но тех, которые придут, “стыдясь и каясь”, верит О. Фокина, будет все-таки больше. Эта вера продиктовала ей одно из самых сильных стихотворений (“Мы всё еще под гору...”), в котором она твердо продекларировала свою гражданственную и патриотическую позицию. Поскольку тираж сборника небольшой и едва ли выйдет какой-то частью за пределы Вологды, приведу стихотворение полностью:

* * *

Мы всё еще – под гóру, под гóру, под гóру!
... Не столь, однако, низенькой высотка была,
Та, “мерзкая”, та дерзкая гора, на которую
Нас “бывшая” советская власть завела.
Мы всё еще – к низинам, к низинам, к низинам
Нисходим, ниспадаем “с проклятых” высот,
Глаза закрыв от страха и рты поразинув
Кто – в крике, кто – в надежде на жирный кусок.
Мы всё еще – лавиной, лавиной, лавиной,
Безвольным грязным оползнем скользим в “та-ра-ры”,
Вчерашние дворцы превращая в руины,
Безжалостно гася очаги и костры.
И радуется радио, и колокол звенит, и
“Всеобщечеловеки” кивают: “О’ кей!”
... Но в контурах вершин проступают граниты
Тех самых, кто не трус, не подлец, не лакей,
Не жалкая шестерка, не пьянь, не обжора,
Не лодырь, не палач, не грабитель, не вор, –
Те мраморы и кремни, алмазы которых
Безмолвно, обнаженно глядят на разор,
На глупую пылинку,
Что с криком: “Свобода!”
Летит на дно ущелья в гремучий поток:
Не горного замеса, другая порода! –
И ладно, что отпала, – какой с нее прок?
И вновь в победу верится: чем оползень шире,
Тем менее доверия глине с песком.
И деревце, как знамя на горной вершине,
Зовет к себе октябрьским багряным листком.

1995

Главная мысль стихотворения: проступают “граниты”... и даже “кремни”... Имеются в виду люди, конечно. Те самые, что в дни обманной “перестройки”

растерялись, не умея понять, что надо делать: то ли свой берег укреплять, то ли плыть к другому. Да и как можно было понять, если прорабы “перестройки” насчет берега сознательно темнили, вешали на уши лапшу, тушили из всех идеологических брандспойтов едва вспыхивавший в их душах огонек тревоги, сомнения, догадки... Достаточно вспомнить шоу-зомби Кашпировского: всю страну повергал в летаргический сон!..

Но пришло время: спавшие – проснулись, темные – прозрели. О. Фокина чутко уловила перемену в мыслях этих людей и, уловив, твердо решила: она будет с ними, будет их голосом, их совестью, будет растить в их сердцах тревогу за судьбу России, за свою судьбу.

Но какое “оружие” избрать для этого?

Раздумья на этот счет снова подвинули к перу. Первое, что вспомнила, склонившись над бумагой, – это советы “наставников”, видимо, руководителей творческих семинаров в Литинституте и маститых критиков в журналах, советы “избирать” для стихов и поэм не “временное” (“Слава временщика долга ли? Слово временщика на час”), а “вечное”; припомнились настойчивые их внушения, мол, “...поэту земельным спорам /Надо горние предпочсть”. И еще: “Дело каждого – слышать, видеть, /Одаренного– избирать”.

Не вняла советам наставников О. Фокина. По ее мнению, и в числе “одаренных” есть просто поэты и есть поэты “озабоченные” (ее определение). Озабоченность предопределяет их выбор. Они твердо убеждены, что лирических вдов-выдохов, рассчитанных на “гитару семиструнную”, выжимающих слезу сентиментальную, сегодня явно недостаточно. Такая поэзия устроит обывателя, но не гражданина, глубоко переживающего трагедию народа, трагедию, грозящую развалом государства.

Себя О. Фокина видит в ряду “озабоченных”. Как бы от их имени она говорит наставникам: помним, дескать, ваши советы, помним...

...Только снова стихи у нас
Не про реки – про в реки стоки,
Не про небо – про в небо дым,
Про разбурканные дороги
К невеселым местам родным...
Про разрушенные церквушки...

И далее, не оправдываясь, а гордясь, добавляет:

И поэмы у нас “проблемны”,
И в стихах у нас “соцзаказ”.

Хорошо это или плохо, читатели ответят по-разному. Но все вместе, я думаю, они согласятся с тем, что выбор, сделанный поэтом О. Фокиной, достоин уважения. Хотя ничего неожиданного в нем и нет.

К острой, порой даже гневной публицистике в определенные исторические моменты прибегали и Пушкин (“Самовластительный злодей, /Тебя, твой род я ненавижу!..”), и Лермонтов (“Вы, жадною толпой стоящие у трона...”), и Некрасов (“Ты проснешься ль, исполненный сил?..”), и Рылеев (“Известно мне: гибель ждет/Того, кто первым восстает/На притеснителей народа...”), и Маяковский (“Пусть нам общим памятником будет/Построенный в боях социализм”), не говоря уж о Твардовском и Исаковском, не выпускавших из рук сверкающий меч публицистики все четыре года войны.

О. Фокина блестяще продолжила публицистическую традицию русской поэтической классики. Продолжила и углубила, введя в классическую поэтическую лексику разговорную крестьянскую речь, в большинстве случаев весьма остроумную и образную. Вот пример – вдобавок к тем, что были приведены выше:

И герб у нас двуглавый:
Взаимен отворот
Головок – левой, правой, –
Но общ-един живот.
На мир надежда тает:
Живот – оплот? Увы...
Похоже, не хватает
Нам третьей головы:

Обычной, человеческой,
Разумной, нехмельной...

Кто-то добавит: — Ну, положим, не хватает... Так ведь есть еще Дума... — Знаем, есть, — как бы отвечает за своего героя поэт. — Но кто в Думе-то? С “суконным рылом” — никого. В основном — “белая кость”, “предприниматели”... Всечеловеки! Иные даже с двойным гражданством. И каждый — оттуда, сверху — только что не орет:

Чернь, не суйся с советами!
Сгинь, крестьяне-рабочие,
Чугуны прокопченные,
В дорогой вашей вотчине
Мы одни — золоченые,
Мы одни — элитарные,
Мы одни — родословные,
Остальные — бездарные.

Тревожно на душе у поэта от столь непривычной яви. В другом стихотворении тревога эта вылилась уже в трагический вывод: “А государство валится с пугающей поспешностью, /А “демократы” хвалятся...”.

Хвалятся... Но и за этой похвальбой поэт различает подлинное их лицо:

Ах, антисозидатели,
Ах, “прав-свобод” приверженцы,
Ах, от Отчизны-матери
В ее несчастье беженцы.

Суровый упрек, но кто скажет, что несправедливый?

Убежали тысячи, не оглянувшись даже, без малейшей благодарности державе за дипломы, звания, “нажитые” состояния... В народе можно было услышать: — Для того, видно, и сделали “перестройку”, чтобы можно было свободно уехать, прихватив с собой капиталы, а не понравится — и вернуться. Жалеет ли народ об убегающих согражданах? Да нет — по свидетельству поэта, презирает. В душе у него вполне сложившееся мнение о них:

Вы же: “нет у вас родины”,
Вы же: “нет вам изгнания”.
Собирайтесь да кучкайтесь,
Поднимайтесь хоть на небо
И небесными тучками
Уплывайте куда-нибудь.

В один из поздних октябрьских дней, для Архангельска уже предзимних, Ольге Александровне довелось, стоя на берегу Северной Двины, наблюдать грустную картину: в результате рано ударивших заморозков в лед намертво вмерзли плоты. Представилось: весной, в дни ледохода “Изотрет их, измочалит между льдинами, /Не бывать им больше плотными, плотам”. Мысль эта всколыхнула жившую с некоторых пор в ее душе боль за судьбу народа, само собой родилось сравнение:

Замороженный в Двине-родимой-Северной,
Осужденный на рассеяние, плот,
То не ты ли — без надежд на воскресение, —
Трудовой, властями преданный народ.

Впечатляющее сравнение. А в следующем стихотворении об этом же, но с еще большей душевной болью: “В государстве, на лом назначенном, /Остановлен, остыл мотор”. Редко столь пессимистическое настроение овладевало поэтом в те годы, но, как видим, случалось, хотя она старалась не позволять себе подобной слабости, пусть даже минутной, собирала, растила в душе волю к борьбе, к сопротивлению. При этом иронизируя над теми, кто эту волю утратил, и единственно возможной позой при новой власти считает стояние на коленях с протянутой “Христа ради” рукой.

В храмах мольбы: — Господи, помилуй!
В школах слезы: — Власть, подай за труд!
А крестьяне вскидывают вилы —

В бой с навозом фермерно идут.
А шахтеры дружно голодают...

Мольбы... слезы... голодовки... А если бой – так только с навозом... Да и зачем он, бой? Выгоднее извернуться, притереться к начальству, устроиться подле... Таких поэт откровенно презирает:

А ты уже, друже, похоже, угодлив!
Умеешь моститься не рядом, а подле.
...Ведь “подле” на подлинность как-то не тянет,
Все мнится, что подлость из “подле” проглотит.

Человек, оставшийся самим собою, не утративший чувства чести, при виде всего этого возмутится: – И это народ-победитель?! “Самый непокорный” народ на земле, как написал о нем сразу после войны один испуганный его великим ратным подвигом американец?! Возмутится – и будет прав.

Сама же О. Фокина, из присущей ей деликатности, не могла позволить себе прямых упреков народу. Она привела в пример ему “тетушку-свет Ангелину” – женщину, так сказать, с характером, может быть, соседку из родной деревни. “Памятны твои восстанья/Супротив народных бед”, – так она начинает свой рассказ о тетушке. – “Ругиванось на собраниях, /Бегивано в сельсовет.../ Т р е б о в а л а – не просила”... – такой вот была она, Ангелина, при советской власти. А при теперешней? Да все такая же! Своему поэту при встрече в первую очередь о том, что наболело:

– Нынешни завозгудали:
“Старое пора на слом!”
Ох как я схлестнулась даве
С этаким одним “орлом”!
Робкие, мол, наши души!
Рыбья (то ли рабья?) кровь!
Трепанула я “орлушу”.
Хвост-то вырастет ли вновь?

Нравится О. Фокиной характер тетушки Ангелины. Она не могла не увидеть в ней потомка тех русских деревенских женщин, которыми восхищался еще Некрасов: “Коня на скаку остановит, /В горящую избу войдет...”.

Но не будет преувеличением сказать, что и сама она под стать некрасовским женщинам. Стихи ее, созданные в “окаянные годы”, не меньший подвиг – и нравственный, и гражданский, – чем подвиг деревенской бабы, отважившейся броситься в огонь, чтобы спасти кого-то или что-то. Даже большой, потому что перед нею полыхала огнем уже не одна изба, а вся Россия, полыхала огнем предательств, лжи, воровства, кровавых разборок. Бросившись в огонь этой “большой избы”, она знает, ЧТО надо спасти в первую очередь, ЧЕМУ не дать сгореть – это любви к Родине, национальному достоинству народа, мужеству и вере его в свои силы. Такая задача по плечу только сильному характеру. О. Фокина таким характером обладает. Осознавая себя поэтом Великой России, она не намерена молча сносить унижение ее народа нищетой, оскорбление русофобией. “Орлуши” и “орлы”, гнездящиеся в правительстве и в Думе, отнюдь не господа для нее, как и она для них не “быдло”, не “чернь” презренная, и потому в разговоре с ними церемониться она не намерена:

Загнавши лошадь явно не туда,
Замордовав ее и обескормив,
Извольте бросить вожжи, господа,
Вам ничего не остается кроме.
...Забудьте зуд размахивать кнутом,
Не претендуйте больше на господство.

Язык, каким это сказано – и словарным составом, и образностью, – очень близок к языку тетушки Ангелины. Разница в одном: тетушка видит все и судит обо всем с высоты, так сказать, птичьего полета, и взгляд ее простирается не дальше деревенской околицы; у поэта О. Фокиной полет высокий, почти космический, и видит она не только родной русский Север – всю Россию и даже шире, и мыслит обо всем, как принято говорить в таких случаях, по-крупному, масштабно, потому что болеет не только за свою деревню, свой край – за всю страну. Приведу в подтверждение сказанному

стихотворение, написанное в 1993 году — чем “славен” этот год, читатель наверняка помнит.

* * *

Капиталии всех стран, соединяйтесь!
Пролетарии, а вы — на дно спускайтесь, —
Не про бедного: держаться на плаву!
Продырявлен, пролетарии, ваш парус,
Ваше спянное братство — пораспалось,
Вам осталось — погибать по одному.
Пролетарии всех стран, вы проглядели:
Смят Союз и раскувалданы артели!
Человек для человека снова — волк.
Вы посулам и посылкам обрадели,
Вы забыли
В спекуляциях
О деле,
И в войну преобразается раскол.
Пролетарии всех стран, дожить готовясь,
Выворачивай карман, в котором совесть,
И вышвыривай ее, как лишний груз.
Вся духовность — на изъятие — под опись!
Воровская,
А не нравственная
Доблесть
Ныне правящим приятственна на вкус.
Пролетарии всех стран, вы, словно крабы,
В норы пятитесь — больны, унылы, слабы,
С думой ноющей: “как выть бы заморить?”
И ухватки, и повадки снова — рабы!
Пролетарии всех стран, а Ленин прав был:
Вам его придется заново открыть!

Поразительна глубина суждений поэта О. Фокиной о самых болевых точках современности. Казалось бы, откуда у нее все это? Живет в провинции, в столице бывает по случаю (дорого), в телевизионных посиделках Шустера (“главного” ограничителя “Свободы слова”), Познера, Швыдкого, Сванидзе, Бермана не участвует (не приглашают: фамилия странная), по заграницам не шастает, самых многотиражных (и самых сексуальных) газет “КП” и “МК” не читает, а все, что происходит в стране, знает (и понимает!). Из каких источников черпает она это знание? Кто ее мудрый собеседник?

Отвечу без колебаний: народ! Она живет в нем — это больше, чем рядом с ним, — думает, гневается, радуется на одной с ним волне; на все, что происходит в “верхах”, глядит его глазами, все меряет его мерой. Народ для нее, если выразиться по-современному, — главный канал вещания, одновременно — ее толковый словарь, ее энциклопедия; ну а если по-старому — неисчерпаемый кладезь мудрости, красоты и образности языка, сюжетов, тем, характеров.

Какие идеи, события нашли отражение в ее стихах? Стопроцентно — те, которые не миновали сердце народа, отозвались болью в нем, — к сожалению, пока только б о л ь ю. В этом смысле — каждое стихотворение О. Фокиной — частица народного сознания и, значит, понимания или непонимания им того, что происходит в жизни.

Поэзия О. Фокиной в самом высоком смысле национальна, потому что народна. Тот, кто захочет понять, что это значит, пусть, закрыв ее книгу, перевернет страницу-другую Мандельштама ли, Пастернака ли, Бродского ли — все равно...

Сделать это совсем не трудно: собрания их сочинений — на полках всех библиотек — сними, сдуй пыль и наслаждайся...

И постигай!

Наши потомки, если они захотят узнать, какими мы были, почему в те или другие годы поступали так, а не иначе, не минуют книг Ольги Фокиной... Добавлю: как и “озабоченных” ее современников — поэтов Евгения Нефедова, Игоря Ляпина, Леонида Корнилова, Станислава Куняева, Марины Струковой, исповедующих те же творческие принципы, что и она — поэт Ольга Александровна Фокина. Русским читателям еще предстоит открыть этих поэтов, но уже при другом министре культуры, который случайно обнаружит, что русская литература, вопреки заявлению Швыдкого, все-таки жива!..